

Для цитирования: Каратуева, Е. Н. Глубинная экология Арне Несса: сущность и современное измерение / Е. Н. Каратуева // Социум и власть. — 2026. — Т. 23, № 1. — С. 88–101. — EDN IIWTNN.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

EDN IIWTNN

BAK 5.5.2

УДК 32.019

ГЛУБИННАЯ ЭКОЛОГИЯ АРНЕ НЕССА: СУЩНОСТЬ И СОВРЕМЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Каратуева Елена Николаевна,

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,
доцент кафедры государственного и муниципального управления,
кандидат политических наук, доцент,
Санкт-Петербург, Россия.
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
докторант кафедры политологии,
Москва, Россия.
SPIN 2252-7868
ORCID 0000-0002-2169-3622
Scopus 57608102200
Researcher MGU-4422-2025
E-mail: e_karatieva@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Введение. Актуальность исследования обусловлена углубляющимся глобальным экологическим кризисом, который требует пересмотра фундаментальных основ взаимодействия человечества и природы. В условиях, когда технологические решения и «поверхностные» природоохранные меры демонстрируют свою недостаточность, возрастает интерес к радикальным философским системам, предлагающим целостное переосмысление места человека в биосфере. Одной из таких систем является глубинная экология, разработанная норвежским философом Арне Нессом, чьи идеи оказали значительное влияние на формирование современного экологического сознания и дали импульс развитию разнообразных, в том числе радикальных, экологических движений.

Целью написания статьи является определение сущности и возможностей философии глубинной экологии Арне Несса в современном обществе.

Научная новизна исследования заключается в системном рассмотрении трансформации глубинной экологии, сравнении с социальной экологией, а также в анализе актуальности ее принципов в контексте вызовов современного цифрового общества, где технологическое развитие требует нового осмысления экоцентрической этики.

Материалы и методы. В качестве методов исследования применены историко-философский анализ текстов Арне Несса и его последователей, сравнительный анализ концепций глубинной и социальной экологии, а также дискурс-анализ публичных высказываний экорадикалов и программных документов радикальных экологических движений.

Результаты проведенного исследования демонстрируют, что глубинная экология, с ее принципами биосферного эгалитаризма и внутренней ценности всего живого, предложила мощную альтернативу антропоцентрической парадигме. Однако именно эти радикальные биоцентрические положения, оторванные от социально-экономического контекста, были подвергнуты жесткой критике со стороны социальных экологов и впоследствии использованы рядом движений для оправдания экофашистских и мальтузианских взглядов. **Обсуждение.** В современных условиях цифровой трансформации невозможно одностороннее следование какой-либо одной экологической концепции. Глубинная экология формирует необходимый ценностно-мировоззренческий фундамент, позволяющий направить потенциал цифровых технологий на восстановление экологического равновесия, а не на дальнейшую эксплуатацию природных систем. Социальная экология, в свою очередь, создает возможности для анализа и практического разрешения социально-экологических противоречий, обостренных в условиях цифровой реальности. Основным выводом работы является доказательство необходимости синтеза принципов глубинной и социальной экологии для ответа на вызовы цифровой эпохи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

глубинная экология,
социальная экология,
экологическое сознание,
биоцентризм,
антропоцентризм,
экологическая этика,
экологический радикализм,
цифровая эпоха

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ИИ

Автор заявляет о том, что при написании данной статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Статья поступила: 30.10.2025

Рецензии получены: 22.01.2026

Принята к публикации: 10.02.2026

Права: © Каратуева Е. Н. (2026).

Опубликовано Челябинским филиалом РАНХиГС. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0

Введение

Интерес к проблеме деградационных изменений, происходящих в природе в XX веке, проявился в росте экологического сознания обществ развитых стран, что нашло отражение в многочисленных научных публикациях, а также введении в общественный дискурс вопросов охраны природы, реализуемых в программах действий возникающих экологических движений [13]. Этот процесс сопровождался формированием системы знаний, ценностей и представлений о взаимодействии человека и природы [9]. Изначально доминировавший технократический подход, ориентированный на ликвидацию последствий, но не причин кризиса, постепенно уступал место поиску более фундаментальных решений.

Популярность лозунгов об охране окружающей среды объяснялась тем, что общественное мнение признавало ухудшение экологических условий жизни вследствие социального поведения, особенно в результате чрезмерной экономической эксплуатации природных ресурсов. Экологические идеи нашли практическое выражение в таких явлениях, как защита окружающей среды и прав животных, распространение веганства и органического земледелия [8]. Однако эти практики, при всей их важности, часто оставались в рамках модернизированного антропоцентризма, ставящего во главу угла выживание и комфорт самого человечества.

Развитие экологического сознания сопровождалось институционализацией природоохранной деятельности — от создания международных организаций до формирования зеленых политических партий. Однако наиболее значимым следствием экологического кризиса стало возникновение качественно новых мировоззренческих парадигм, предлагавших не просто технические решения отдельных проблем, но радикальную переоценку ценностных оснований современной цивилизации. В этом контексте особый теоретический и практический интерес представляет феномен глубинной экологии — философской концепции, разработанной норвежским мыслителем Арне Нессом. Его учение о биосферном эгалитаризме и внутренней ценности всего живого бросило вызов не только сложившимся природоохранным стратегиям, но и самим антропоцентрическим основаниям западной культуры. Принципиальная новизна подхода Несса заключалась в требовании распространить этические категории за пределы человеческого сообщества, признавая равноценность всех форм жизни¹.

Биоцентризм стал идеологическим обоснованием различных экологических течений, в том числе и радикальных [20]. Этот процесс

вызвал острую критику со стороны представителей социальной экологии, в частности Мюррея Букчина, усмотревшего в глубинной экологии А. Несса опасность утраты гуманистических ориентиров и игнорирования социальных детерминант экологического кризиса². Возникшая полемика между «глубинными» и «социальными» экологами выявила ключевой водораздел в экологической мысли — является ли кризис следствием ошибочного мировоззрения или несправедливой социальной организации.

Сегодня в условиях глобальной политической нестабильности растет интерес к философии, направленной на поиск идентичности и переосмысления места человека в окружающем мире. Особое внимание в современных исследованиях направлено на формирование экологического сознания и экологическое воспитание молодежи [4, 10, 14]. Глубинная экология А. Несса, основные принципы которой были сформулированы более 50 лет назад, и сейчас привлекает внимание исследователей [5; 12; 15; 16]. Дискуссии по поводу ее значимости приобретают актуальность в условиях современной цифровой эпохи, когда технологическое развитие создает новые вызовы для экологической мысли [23; 24]. Виртуализация жизни и развитие искусственного интеллекта ставят под вопрос саму материальную основу существования, обостряя старые философские дилеммы о соотношении человеческого и природного. Обращение к наследию Арне Несса и его критиков позволяет не только проанализировать эволюцию экологической философии, но и выработать теоретический инструментарий для осмысления проблем современного информационного общества, требующих синтеза глубинного экологического сознания и социальной практики. Таким образом, цель данной статьи заключается в выявлении существенных характеристик и определении практического потенциала философии глубинной экологии А. Несса для решения актуальных проблем современности. В задачи исследования входит: 1) раскрытие основных положений и принципов учения А. Несса; 2) выявление основных направлений критики положений глубинной экологии со стороны представителей социальной экологии; 3) определение возможностей ее трансформации в более радикальные формы; 4) определение мировоззренческих возможностей глубинной экологии в современную цифровую эпоху.

Основные положения глубинной экологии

Современные экокративные движения основываются на различных философских

¹ Naess, A. The Deep Ecology Movement: Some Philosophical Aspects / Environmental Ethics: An Anthology, 2003. Pp. 262–274.

² Bookchin, M. The Ecology of Freedom: The Emergence and Dissolution of Hierarchy. U.S.A.: Cheshire Books, Inc, 1982. 385 p.

течениях. Одним из наиболее влиятельных направлений экологической философии является концепция глубинной экологии, разработанная норвежским философом Арне Нессом¹. В отличие от антропоцентрического подхода, который ставит человека выше природы, глубинная экология основана на биоцентрическом мировоззрении. Она утверждает, что человечество не отделено от окружающего мира, а связано с ним сложной сетью взаимозависимостей. Следовательно, искусственное разделение на человека и природу не только ошибочно, но и вредно как для планеты, так и для самого человечества.

Глубинная экология выходит за узкие рамки природоохранной проблематики, предлагая универсальный философский подход. Ключевая идея учения А. Несса заключается в признании внутренней ценности всех живых существ, независимо от их практической полезности для людей. Такой взгляд требует изменения мировоззрения человека и глубокой перестройки современных обществ в соответствии с экологическими принципами. Название «глубинная» подчеркивает стремление понять суть экологических проблем, которые философия видит не в технологических сбоях, а в фундаментально неверной системе ценностей современной цивилизации. Она предлагает целостный взгляд на мир, в котором человечество является частью единой экосистемы, все элементы которой взаимосвязаны².

Арне Несс противопоставлял свой подход «поверхностной» экологии. Последняя, по его мнению, не ставит под сомнение антропоцентрическую парадигму и нацелена лишь на то, чтобы с помощью технологий и политики минимизировать ущерб для окружающей среды, сохраняя при этом высокий уровень потребления в развитых странах. Глубинная экология, напротив, призывает распространить этические нормы на все живое и отвергает исключительность человека. Она призывает к целостному видению мира, где люди — неотъемлемая часть экосистемы, а все ее компоненты взаимосвязаны и функционируют как единый организм.

Свое название движение получило после публикации статьи А. Несса 1973 года «Поверхностное и глубинное — перспективные экологические движения». Позднее, в 1989 году основные принципы его экософии, были сформулированы в работе «Экология, сообщество и образ жизни»:

«1. Каждое живое существо имеет собственную ценность.

2. Многообразие и богатство форм жизни являются ценностями сами по себе.

3. Люди не имеют права сокращать это

¹ Naess, A. The Deep Ecology Movement: Some Philosophical Aspects / Environmental Ethics: An Anthology, 2003. Pp. 262–274.

² Там же.

многообразие и богатство, если только этого не требуется для удовлетворения жизненно важных потребностей.

4. Для людей было бы лучше, если бы их было меньше, т. е. процветание человеческой жизни и культуры совместимо с существенным сокращением народонаселения. Это было бы значительно лучше для других живых существ.

5. На сегодня масштабы и сущность вмешательства человечества в экосистему таковы, что она их не выдерживает, и запас прочности экосистемы уменьшается.

6. Поэтому для улучшения ситуации требуются значительные изменения: экономические, технологические и идеологические.

7. Изменение в идеологии будет в значительной степени состоять, скорее, в поиске лучшего качества жизни, а не более высоких жизненных стандартов.

8. Те, кто принимает изложенные положения, ответственны за то, чтобы прямо или косвенно содействовать осуществлению необходимых перемен»³.

Главный тезис философии А. Несса заключается в том, что каждое существо имеет собственную ценность, а цель своей деятельности он видел во всестороннем философском обосновании важности природы и ее защиты [15].

А. Несс обосновывал «биосферный эгалитаризм» как интуитивно ясную и самоочевидную аксиому [15; 16]. При этом его тезис о необходимости ограничения человеческой популяции является прямым следствием критики антропоцентризма, который, по мнению философа, оказывает пагубное влияние и на качество жизни самих людей. А. Несс утверждал, что попытка человечества игнорировать свою зависимость от природы и утвердить роль «господина» привела к отчуждению человека от собственной сущности. С позиции глубинной экологии он провозглашал: «Право всех форм жизни на существование является универсальным и не подлежит количественному измерению. Ни один биологический вид не обладает большим правом на жизнь и развитие, чем любой другой»⁴.

Важным событием, повлиявшим на дальнейшее развитие идей глубинной экологии, стала конференция «Права нечеловеческой природы», состоявшаяся в 1974 году в Клермонте (Калифорния, США)⁵. Участники этого форума Б. Деволл и Дж. Сешнс в 1985 году систематизировали принципы глубинной экологии в виде восьми тезисов⁶, суть которых сводится к следующему:

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Taylor, B. Deep Ecology / B. Taylor, M. Zimmerman // Encyclopedia of Religion and Nature. London & New York: Continuum, 2005. Pp. 456–460.

⁶ Devall, B., Sessions, G. Deep Ecology: Living as if Nature Mattered. Salt Lake City: Gibbs M. Smith, 1985. Pp. 178–186.

1. Любая жизнь обладает внутренней ценностью, не зависящей от ее полезности для человека.

2. Разнообразие форм жизни ценно само по себе.

3. Человек не вправе сокращать это разнообразие, за исключением случаев удовлетворения насущных потребностей.

4. Процветание жизни требует значительного сокращения человеческой популяции.

5. Современное антропогенное воздействие на природу превысило критические пределы.

6. Необходимы кардинальные изменения в экономической, технологической и идеологической политике.

7. Идеология должна сместить фокус с роста потребления на повышение качества жизни.

8. Согласно с этими принципами обязаны воплощать их в жизнь.

Позднее, в эссе 2015 г. Джордж Сешнс¹ выделил основоположников экологического движения, зародившегося в 1960-е гг., среди которых наиболее значимой фигурой в истории экологического движения была биолог и писательница Рэйчел Карсон, поднявшая вопрос охраны природы на уровень глобальной политической дискуссии. Ее знаменитая книга «Безмолвная весна» (1962 г.) продемонстрировала, что привычные и считавшиеся безопасными агротехнологии несут в себе скрытую, но реальную угрозу для человечества². Благодаря этому экологическая проблематика приобрела беспрецедентную значимость в международном сообществе, что дало мощный импульс для развития и популяризации природоохранных идей по всему миру. Впоследствии А. Несс включил некоторые экологических тезисы из «Безмолвной весны» в свою платформу «Глубинная экология»³.

Спустя более чем 40 лет после публикации «Безмолвной весны» климатолог Джеймс Лавлок в работе «Месть Геи» представил принципиально иную перспективу экологической проблематики, предполагающую, что всю глобальную экосистему нужно рассматривать как единый организм. По его мнению, «забота о Гее (Земле) должна быть на первом месте, потому что благополучие растущих масс человечества требует здоровой планеты»⁴.

Несмотря на единую экологическую направленность работ Р. Карсон и Дж. Лавлока, их этические позиции существенно различа-

ются. Р. Карсон апеллирует к прямому антропоцентризму, тогда как Лавлок разрабатывает стратегию, которую можно определить как «циничный антропоцентризм» — использование биоцентрических аргументов для достижения фундаментальных человеческих интересов⁵. Согласно позиции Арне Несса, такой подход остается ограниченным, поскольку даже стратегическое принятие биоцентрических ценностей не равнозначно подлинному мировоззренческому перевороту, необходимому для преодоления системного экологического кризиса. А. Несс настаивает, что Р. Карсон и Дж. Лавлок, не смогут реализовать свои цели, если они полностью не проникнутся глубокими экологическими идеями⁶.

Рэйчел Карсон в «Безмолвной весне», несмотря на декларируемую «глубокую любовь к красоте природы», последовательно избегает биоцентрической аргументации. Ее критика пестицидов основана исключительно на антропоцентрических посылах — угрозе здоровью человека и неэффективности химических методов. Даже описывая гибель птиц, Р. Карсон акцентирует эстетические потери для людей, а не внутреннюю ценность жизни животных⁷. Арне Несс впоследствии охарактеризовал такой подход как «поверхностную экологию», указывая на его концептуальную ограниченность. С его точки зрения, экологическое движение не может ограничиваться техническими решениями, но должно ставить под вопрос базовые политические и экономические парадигмы. Предлагаемая Карсон «другая дорога», предполагающая замену химических средств биологическими, хотя и представляет собой важный практический шаг, не достигает необходимой «глубины» преобразований⁸. Джеймс Лавлок развивает сходную с А. Нессом критическую линию в адрес подхода Рэйчел Карсон. Он указывает, что ее концентрация на проблеме пестицидов чрезмерно сужает поле экологической проблематики в ситуации, когда человечеству грозит неминуемая опасность вымирания. Дж. Лавлок акцентирует внимание на системном характере угрозы, порождаемой логикой неограниченной эксплуатации природных ресурсов, оправдываемой мифом о «непрерывном экономическом росте»⁹.

С позиции Арне Несса, ограниченность подхода, представленного в «Безмолвной весне», заключается в его принципиальном консерватизме. Несмотря на безусловную

¹ Sessions, G. Deep Ecology, New Conservation, and the Anthropocene Worldview // The Trumpeter. 2015. Vol. 30. No 2. Pp. 106–114.

² Carson, R. Silent Spring. HarperCollins, 2022. 400 p.

³ Haukeland, I. Becoming Home: Revisiting Arne Naess toward an Ecophilosophy and a Depth Ecology for the 22nd Century // The Trumpeter. 2023. Vol. 39. No 2. Pp. 21–44.

⁴ Lovelock, J. The Revenge of Gaia. Random House-Penguin, 2022. 240 p.

⁵ Naess, A. The Deep Ecology Movement: Some Philosophical Aspects / Environmental Ethics: An Anthology, 2003. Pp. 262–274.

⁶ Там же.

⁷ Carson, R. Silent Spring. HarperCollins, 2022. 400 p.

⁸ Naess, A. The Deep Ecology Movement: Some Philosophical Aspects / Environmental Ethics: An Anthology, 2003. Pp. 262–274.

⁹ Lovelock, J. The Revenge of Gaia. Random House-Penguin, 2022. 240 p.

практическую пользу — ограничение применения химикатов, — эта концепция не ставит под сомнение базовые экономические и политические парадигмы, приведшие к кризису. Именно эта неготовность к радикальному пересмотру основ современной цивилизации и составляет, по Нессу, сущностный недостаток «поверхностного энвайронментализма», неспособного выйти за рамки частичных реформ и предложить подлинно альтернативный путь развития [5].

Однако следует признать, что критика в адрес Рейчел Карсон со стороны некоторых современных экологов не в полной мере учитывает исторический контекст ее деятельности. Ее фундаментальный труд «Безмолвная весна» был опубликован за несколько десятилетий до того, как Арне Несс сформулировал основные принципы «глубинной экологии». В тот период сама концепция «окружающей среды» еще не была включена в повестку дня государственной политики ведущих мировых держав. В условиях, когда Р. Карсон активно выступала за включение этого вопроса в национальную повестку, ей пришлось столкнуться с мощным общественным сопротивлением, поскольку ее работа бросала вызов ортодоксальным представлениям о «господстве человека над природой». Ее достижение стало подлинным революционным прорывом, который создал интеллектуальное пространство для более широкого обсуждения и последующего принятия идей, лежащих в основе «глубинной экологии».

Экологические проблемы, которые поднимала Р. Карсон, в ее эпоху были менее экстремальными и рассматривались преимущественно в контексте анализа угроз для отдельных людей, а также конкретных видов животного и растительного мира, а не как риск для всей биосферы в целом. В такой ситуации радикальные философские позиции, подобные позициям А. Несса, были бы менее востребованными и привлекательными для широкой публики [15].

Идеи Р. Карсон включали два основных аспекта. Во-первых, она предлагала ряд практических методов, таких как применение естественных средств борьбы с вредителями и экологических подходов к земледелию, используя принципы экологии для достижения результатов, выгодных как для человека, так и для природы. Действуя таким образом, она начинала процесс убеждения скептически настроенного общества проявлять по отношению к природе если не глубокую любовь, то, по крайней мере, внимание и практическую заботу. Как впоследствии признавал и сам А. Несс подобного рода детальный и обоснованный прагматизм является необходимым дополнением к общим риторическим лозунгам защитников окружающей среды, таким как «природа знает лучше». Во-вторых, несомненной важностью

для развития более глубоких форм экологического сознания стало ее обоснование многомерного понимания сущности человеческих интересов. Она утверждала, что эти интересы простираются дальше сугубо практических и экономических нужд и могут включать в себя эстетическое и духовное наслаждение от созерцания красоты природных объектов, тем самым закладывая этический фундамент для будущих биоцентрических концепций¹.

Рэйчел Карсон впервые вывела дискуссию об охране окружающей среды на качественно иной уровень, возведя экологические угрозы в ранг политических проблем. В «Безмолвной весне» была продемонстрирована реальная опасность, исходящая от широко применяемых и, казалось бы, эффективных сельскохозяйственных методов, что обнажило новую серьезную угрозу для человечества. Рэйчел Карсон, цитируя философа Альберта Швейцера, подчеркивала необходимость учета всех последствий человеческой деятельности².

С момента публикации «Безмолвной весны» сформировался целый пласт научных исследований в области экологической этики, способствовавший поиску баланса между природой и человеком без доминирования идеологических крайностей — как антропоцентризма, так и биоцентризма. Глобальная значимость поднятых ею вопросов послужила действенным импульсом для дальнейшего развития и распространения экологических концепций в международном сообществе.

Критика глубинной экологии

Критика в адрес глубинной экологии преимущественно связана с ее допущением, что живые существа, включая растения, обладают собственными интересами, проявляющимися в их поведении. Так, инстинкт самосохранения рассматривается как выражение воли к жизни. Сторонники глубинной экологии оспаривают позицию тех, кто отрицает существование или познаваемость потребностей и интересов нечеловеческих форм жизни. Позиция глубинных экологов часто расценивается как проявление антропоморфизма, связанного с тем, что Земле приписывается «мудрость», дикая природа отождествляется со «свободой», а формам жизни приписываются «моральные» качества.

Критический анализ глубинной экологии дополняется критикой социальных экологов, которые указывают на фундаментальную теоретическую проблему — неспособность глу-

¹ Lo, N. Y. S., Brennan, A. Environmental Ethics / The Stanford Encyclopedia of Philosophy, E. N. Zalta (ed.). EditionPublisher: Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2022. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/ethics-environmental/> (дата обращения: 20.09.2025).

² Там же.

бинной экологии провести содержательное различие между человеческой и нечеловеческой природой.

Социальная экология, основанная на философии Мюррея Букчина¹, представляет системный подход к пониманию экологического кризиса как производного от социальных противоречий. Данное направление утверждает, что разрушение природной среды является следствием не «человеческой природы», а иерархических общественных структур, сформированных капиталистической экономикой и авторитарными политическими системами². Основной тезис социальной экологии заключается в необходимости трансформации существующих моделей потребления [2]. М. Букчин доказывает, что подлинная экологическая устойчивость достижима только через создание неиерархического общества, основанного на принципах прямой демократии, местного самоуправления и экологически ориентированной экономики [17].

В отличие от глубинной экологии, акцентирующей биосферный эгалитаризм, социальная экология рассматривает человечество как уникальный продукт эволюции, несущий моральную ответственность за преодоление как социального, так и экологического кризиса через радикальную реорганизацию общественных отношений. Мюррей Букчин оспаривает тезис Арне Несса о том, что люди являются просто «рядовыми членами биотического сообщества». Социальные экологи подчеркивают, что сама теоретическая структура глубинной экологии — продукт человеческого сознания и культуры [1]. Отрицание уникальности человеческого вида, обладающего моральной ответственностью и способностью к целенаправленному преобразованию среды, создает, по мнению М. Букчина, почву для «экофашизма» — оправдания жертвования интересами отдельных людей ради абстрактного «блага экологического целого»³.

В этом контексте выявляется ключевое противоречие глубинной экологии. С одной стороны, она описывает катастрофические последствия человеческого вмешательства в природу и призывает к созерцательности, а с другой — требует от человека решительных действий по защите окружающей среды. М. Букчин усматривает в этом проявление мистицизма, который не может предложить практических механизмов разрешения экологическо-

го кризиса, корнящегося в социальных, а не метафизических проблемах⁴.

Критики характеризуют глубинную экологию как мировоззрение, сформированное в узких рамках привилегированного евро-американского общества, игнорирующее потребности социально незащищенных групп. Как отмечает Рамчандра Гуха⁵, идеология глубинной экологии отражает ценности «американского энвайронментализма», ориентированного на интересы обеспеченных слоев населения⁶. В своей работе Р. Гуха доказывает, что истоки глобального экологического кризиса кроются в сверхпотреблении индустриализированных государств и эксплуатации ресурсов стран «третьего мира», а не в абстрактной «вине человечества»⁷.

Важнейшим контраргументом становится тезис о методологической несостоятельности противопоставления антропоцентризма и биоцентризма. Согласно Р. Гухе, глубинная экология ошибочно трактует любое воздействие на природу, направленное на удовлетворение человеческих потребностей, как антиэкологичное, тогда как сохранение биотической целостности без учета социального контекста не решает проблем неравенства⁸. Эту позицию разделяет и Мюррей Букчин, указывающий, что подобный подход игнорирует социальную стратификацию — фундаментальные различия между эксплуататорами и эксплуатируемыми, богатыми и бедными, населением индустриальных и развивающихся стран. По его мнению, глубинная экология, при всей своей радикальной риторике, остается аполитичной концепцией, которая не способна выявить истинные причины экологического кризиса, корнящиеся в структуре общественных отношений, а не в «первородном грехе» всего человечества перед природой⁹.

М. Букчин отмечает, что существует тесная связь между социальными факторами и демографией. А рост населения и отношение к нему варьируются от общества к обществу в зависимости от образа жизни людей и социально-экономических условий их жизни. Поэтому необходимо обеспечить людей достойной жизнью, образованием, чувством смысла и, тогда рост населения начнет стабилизироваться¹⁰.

⁴ Там же.

⁵ Рамчандра Гуха (р. 1958) — индийский писатель и историк, специализирующийся на истории общества и экологии.

⁶ Guha, R. *Radical American Environmentalism and Wilderness Preservation: A Third World Critique* /R. Guha // *Environmental Ethics*. 1989. Vol. 11. No 1. Pp. 71–83.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Bookchin, M. *Social Ecology versus Deep Ecology: A Challenge for the Ecology Movement*. New York: Rowman & Littlefield Publishers Inc, 1999. 301 p.

¹⁰ Bookchin, M. *The Ecology of Freedom: The*

¹ Мюррей Букчин (1921–2006) — американский политический и социальный философ, защитник окружающей среды, публицист.

² Bookchin, M. *The Ecology of Freedom: The Emergence and Dissolution of Hierarchy*. U.S.A.: Cheshire Books, Inc, 1982. 385 p.

³ Bookchin, M. *Social Ecology versus Deep Ecology: A Challenge for the Ecology Movement*. New York: Rowman & Littlefield Publishers Inc, 1999. 301 p.

Угрозы радикализации идей глубинной экологии

Хотя в работах Арне Несса нет прямых указаний на предпочтение насильственных методов, радикальные экозащитники часто апеллируют к глубинной экологии как к философскому обоснованию своих действий. Они рассматривают ее как альтернативу ценностям свободного рынка и требуют применения тактик, соответствующих их радикальным целям. Многие радикальные экозащитники убеждены, что человечество, в особенности та его часть, что проживает в технологически развитых западных обществах потребления и утратила связь с природой, представляет собой главную угрозу для окружающей среды. Некоторые из них занимают крайне противоречивые позиции относительно роли человечества в глобальных экосистемах [20].

Особую тревогу вызывает тот факт, что в последние десятилетия нацистские, а впоследствии и неонацистские движения по всему миру начали присваивать идеи экологизма, извращая их первоначальный смысл и подчиняя собственным членовоеннонацистским целям. В рамках их идеологии экологизм, изначально основанный на принципах гармонии между человеком и природой, был трансформирован в политическую доктрину, оправдывающую этнонационалистические амбиции. Эта доктрина пропагандирует заселение так называемых «экологических пространств» исключительно «оригинальными» расами, видя в этом инструмент противодействия мультикультурализму и трансграничным миграционным процессам.

Мюррей Букчин подверг глубинную экологию резкой критике после провокационных заявлений представителей экорадикального движения «Earth First!». Наиболее показательными стали скандальные заявления Дейва Формана¹, предложившего прекратить международную помощь голодающим в Эфиопии, чтобы «дать природе шанс восстановиться». А также публикация под псевдонимом «Мисс Энн Тропи», в которой Форман называл СПИД благом для сокращения населения. Подобная позиция, по мнению Букчина, демонстрирует опасную тенденцию к экофашизму, когда защита природы используется для оправдания человеческих страданий [18].

Критики указывают на фундаментальное противоречие в философии глубинной экологии — радикальное отрицание уникальности человеческого вида приводит к абсурдным этическим последствиям. Если последовательно применять принцип биосферного равенства,

Emergence and Dissolution of Hierarchy. U.S.A.: Cheshire Books, Inc, 1982. 385 p.

¹ Дейв Форман (англ. David Foreman) — американский защитник окружающей среды, идеолог радикального движения в защиту дикой природы.

то борьба с малярийными комарами или вирусом СПИДа оказывается не менее предосудительной, чем любое другое «вмешательство в природу»².

В рамках социально-экологической критики особому осуждению подвергается мальтузианство, использующее концепцию «несущей способности»³ для обоснования социального неравенства. Мюррей Букчин раскрывает, что теория Т. Мальтуса исторически служила оправданию голода, бедности и эпидемий как «естественных регуляторов» демографии. Социальные экологи видят в этом идеологическое прикрытие, маскирующее социально-экономические причины неравенства [18]. Последователи глубинной экологии Джордж Сешнс и Билл Деуэлл, напротив, ссылались на мальтузианские идеи в своих трудах⁴. М. Букчин резко осуждал эту позицию, характеризуя их как «радикалов XIX века», которые под предлогом борьбы с перенаселением игнорировали реальные социальные проблемы, порождаемые капиталистической системой⁵. Этот спор демонстрирует фундаментальное противоречие между социальной и глубинной экологией в понимании причин экологического кризиса.

Джеймс Лавлок в своей работе «Месть Геи» демонстрирует концептуальную связь с биоцентрическими принципами Арне Несса, однако предлагает значительно более радикальные практические решения. Дж. Лавлок выступает за сокращение численности населения Земли до 500 миллионов, или 1 миллиарда человек, что позволит освободить обширные территории от хозяйственного использования⁶. Однако, несмотря на кажущийся биоцентризм, его аргументация сохраняет антропоцентрическую основу. Необходимость сохранения природы он обосновывает, прежде всего, угрозой экологического коллапса для человеческой цивилизации.

Примечательно, что многие представители экологической мысли, включая самого Дж. Лавлока, признают ограниченность чисто биоцентрического подхода. Предлагаемый ими принцип «думать сначала о Гее» фактически означает, что защита окружающей среды рас-

² Haukeland, I. Becoming Home: Revisiting Arne Naess toward an Ecophilosophy and a Depth Ecology for the 22nd Century // The Trumpeter. 2023. Vol. 39. No 2. Pp. 21–44.

³ Концепция «несущей способности» в теории народонаселения Томаса Мальтуса связана с идеей о том, что существует определенная численность популяции, выше которой вид начинает наносить ущерб своей среде обитания.

⁴ Sessions, G. Deep Ecology, New Conservation, and the Anthropocene Worldview // The Trumpeter. 2015. Vol. 30. No 2. Pp. 106–114.

⁵ Bookchin, M. Social Ecology versus Deep Ecology: A Challenge for the Ecology Movement. New York: Rowman & Littlefield Publishers Inc, 1999. 301 p.

⁶ Lovelock, J. The Revenge of Gaia. — Random House-Penguin, 2022. 240 p.

смачивается как условие выживания человечества, а не как самоценность. Этот концептуальный компромисс отражает поиск баланса между радикальными экологическими идеалами и практическими соображениями сохранения человеческой цивилизации.

Несмотря на критику экофашистских методов, идеи Джеймса Лавлока о необходимости сокращения численности населения до 500 миллионов человек стали объектом жесткой полемики. Хотя сам ученый категорически отвергал любые формы геноцида и насильственные способы депопуляции, его радикальные предложения вызвали резкую реакцию научного сообщества. Мюррей Букчин подверг эти расчеты резкой критике, усмотрев в них опасные антигуманные тенденции¹. Именно подобные радикальные положения, несмотря на их теоретический характер, позволили критикам глубинной экологии использовать термин «экофашизм» в качестве идеологического ярлыка, хотя сам Лавлок последовательно разграничивал свои научные прогнозы и насильственные политические практики. Этот концептуальный конфликт демонстрирует фундаментальную этическую проблему в радикальных экологических теориях, где благие намерения сохранения планеты входят в противоречие с базовыми гуманистическими ценностями.

Впоследствии Д. Форман пересмотрел свою позицию по вопросу нелегальной иммиграции, но продолжал считать, что массовая и нерегулируемая миграция в развитые страны представляет собой серьезную проблему. По его мнению, этот процесс ослабляет давление для проведения революционных преобразований и успеха демократических реформ в государствах Латинской Америки². Еще более радикальную точку зрения выражал Эд. Эбби³, предлагавший отправлять задержанных нелегальных мигрантов на родину «с винтовкой и тысячей патронов», намекая на необходимость борьбы с коррумпированными режимами⁴.

Но Д. Форман стремился вывести дискуссию о голоде за рамки биологического детерминизма, согласно которому причиной бедствия

является лишь нехватка ресурсов. Он увязывал эту проблему с социальной организацией, экономической эксплуатацией и несправедливой архитектурой международных отношений. Подобный системный анализ находил отклик даже у таких видных адептов глубинной экологии, как Билл Деволл, который признавал, что «марксистские, социалистические и анархические концепции могут помочь глубинным экологам исследовать и понять политические и социальные факторы — включая роль капитализма и транснациональных корпораций, — вызывающие деградацию нашей планеты»⁵.

Кульминацией идеологического спора внутри экологического движения стали дебаты 1989 года между Дэйвом Форманом, представившим радикальную «глубинную экологию», и политическим философом Мюрреем Букчиным, основателем социальной экологии⁶. Их теоретические платформы были концептуально непримиримы. Тем значимее оказался результат этой конфронтации — конструктивный диалог, изложенный в книге «В защиту земли»⁷. В ходе него Д. Форман пошел на уточнения и извинения за свои наиболее жесткие заявления, тогда как М. Букчин признал заслуги оппонента как защитника природы.

Несмотря на этот шаг к примирению, глубинные противоречия остались. М. Букчин сохранял подозрительное отношение к антигуманистическим тенденциям в философии Д. Формана. Тот, в ответ, указывал на скрытый антропоцентризм многих анархистов и настаивал на невозможности откладывать охрану природы в ожидании утопического будущего «после революции» [22]. Этот спор выявил ключевой раскол в экологическом движении — между социальным реформизмом и радикальным биоцентризмом.

Роль экологической философии в современном цифровом обществе

Традиционное западное мировоззрение, привело к механистическому восприятию мира как набора ресурсов для эксплуатации. Глубинная экология предлагает альтернативу, заключающуюся в том, что все формы жизни и экосистемы обладают собственной значимостью вне зависимости от их пользы для человека. В цифровую эпоху, когда технологии создают иллюзию отрыва от материального мира, эгоцентрическое сознание становится жизненно важным. Оно напоминает, что любая

⁵ Devall, B., Sessions, G. Deep Ecology: Living as if Nature Mattered. Salt Lake City: Gibbs M. Smith, 1985. Pp. 178–186.

⁶ Bookchin, M., Dave Foreman, D. Defending the Earth: A Debate, 1991. URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/murray-bookchin-and-dave-foreman-defending-the-earth-a-debate> (дата обращения: 15.09.2025).

⁷ Там же.

¹ Bookchin, M. Social Ecology versus Deep Ecology: A Challenge for the Ecology Movement. New York: Rowman & Littlefield Publishers Inc, 1999. 301 p.

² Форман, Д. Экозащита: Полевой путеводитель по саботажу. Интернет-издание, 2012. 130 с. URL: https://royallib.com/book/forman_deyv/ekozashchita_polevoy_putevoditel_po_sabotazu.html?ysclid=mh7pibsbdc971893245 (дата обращения: 20.09.2025).

³ Эдвард Пол Эбби (1927–1989) — американский писатель и эссеист. Известен пропагандой экологических проблем, критикой государственной земельной политики и анархистскими политическими взглядами.

⁴ Abbey E. The Monkey Wrench Gang. Lippincott Williams & Wilkins, 1975. 352 p.

цифровая инфраструктура от дата-центров до смартфонов физически укоренена в природе, зависит от ее ресурсов и оказывает на нее прямое воздействие. Человек в этой парадигме является частью глобального целого. Это понимание порождает чувство сопричастности и ответственности, которое должно лежать в основе любого технологического развития [23].

Цифровизация кардинально меняет образ жизни и мышления, открывая беспрецедентные возможности для анализа и решения экологических проблем. Технологии «умных» сетей, big data, искусственный интеллект и цифровые двойники позволяют оптимизировать управление ресурсами, контролировать загрязнения и предсказывать последствия изменений климата [24]. Однако здесь и кроется ключевой вызов, заключающийся в том, что цифровизация — это лишь инструмент. Без корректного мировоззренческого фундамента она может усугубить существующие проблемы, усилив потребительскую модель через, например, ускорение циклов производства и утилизации электроники или рост энергопотребления [3].

Роль глубинной экологии заключается в том, чтобы задать этой трансформации этический и ценностный вектор. Она ставит во главу угла не технологический прогресс ради самого прогресса, а парадигму устойчивого развития [19]. В этой парадигме цифровые технологии, природные ресурсы и социальные преобразования должны быть согласованы. Технологии должны служить не бесконечному росту, а гармонизации отношений между обществом и природой, помогая нам жить в соответствии с экологическими законами [6, 7].

Надежды на то, что цифровизация сама по себе решит экологические проблемы, оказываются иллюзорными. Как отмечают исследователи, несмотря на инновации, ни в одном ключевом секторе (транспорт, энергетика, сельское хозяйство) цифровизация не привела к системной трансформации. Это подтверждает тезис глубинной экологии о необходимости не технологических «костылей», а смены самой парадигмы — перехода к целостному восприятию природы и места в ней человека [11]. Цифровые инструменты, встроенные в неолиберальную экономику бесконечного роста, чаще порождают эффекты рикошета и стимулируют новое потребление, а не сокращают его [19]. Во всех оптимистичных прогнозах, связанных с цифровизацией, отсутствуют «очеловеченные» цели — все они направлены на достижение прогресса в науке и технике, на капитализацию человеческого потенциала, но не на развитие самой человеческой личности.

Если глубинная экология задает онтологический фундамент, то социальная экология Мюррея Букчина предлагает политическую и социальную рамку для анализа. Ее ключевой тезис о том, что экологический кризис коре-

нится в социальных иерархиях, как никогда актуален в контексте цифровизации. М. Букчин с подозрением относился к антигуманистическим тенденциям. И сегодня очевидно, что олигопольные технологические корпорации становятся новой доминирующей силой, минимизируя регулирование и формируя цифровое будущее в своих интересах [23]. Это прямое проявление социальной иерархии, против которой выступала социальная экология.

Отсутствие координации между политической цифровизацией и экологической политикой — это симптом более глубокой проблемы. Социальная экология настаивает на том, что экологические проблемы неотделимы от вопросов справедливости. Цифровой разрыв, эксплуатация труда в цепочках поставок цифровых устройств, непропорциональное размещение вредных производств и инфраструктуры в уязвимых регионах — все это вопросы экологической и социальной справедливости, которые социальная экология ставит в центр [21]. Ответом на эти вызовы может стать формирование «человека экологического» — личности, гармонизирующей взаимоотношения в системе «общество — человек — природа». Эта концепция, активно разрабатываемая сегодня учеными (например, в рамках «Общества человеческой экологии» в Германии), предполагает становление носителя экологической культуры, чей образ жизни, от стиля питания до трудовой деятельности, выстроен в соответствии с экологическими императивами [4].

Спор между Д. Форманом и М. Букчиным сегодня обретает новое звучание. Вопрос не в том, чтобы выбрать между трансформацией сознания (глубинная экология) и трансформацией общества (социальная экология), а в том, чтобы осуществить их одновременно. Цифровая современность требует комплексного подхода, объединяющего:

- 1) экоцентрическую этику глубинной экологии, которая задает конечную цель — благополучие всей живой планеты;
- 2) социально-политический анализ социальной экологии, который выявляет структурные причины проблем и предлагает механизмы для справедливых решений, включая профилактику насилия и обеспечение инклюзивности, что отражено в моделях Всемирной организации здравоохранения;
- 3) критическое использование технологий, где цифровые инструменты (AI, Big Data, IoT) служат не для усиления контроля и потребления, а для мониторинга здоровья экосистем, оптимизации социального и природного метаболизма, а также поддержки принятия демократических решений.

Ключевым механизмом становления «человека экологического» является непрерывное экологическое образование, форми-

рующее экологическое мышление и нравственность. Как показывают исследования [4, 10, 14], именно образование, наполненное экологическим содержанием и духовно-нравственными императивами (экологический, морально-этический, социальный, императив ответственности), способно преодолеть моральное отчуждение и сформировать личность, способную управлять своей жизнью в гармонии с природой. Это подтверждается и данными опросов, где значительная часть молодежи осознает необходимость «человеческого фактора» в воспитании нравственной и экологичной личности, даже с учетом всех преимуществ цифровых технологий [4].

Таким образом, ответ на вызовы цифровой эпохи лежит не в отказе от технологий, а в их подчинении более высоким целям, сформулированным глубинной и социальной экологией. Реализация этой задачи возможна через становление «человека экологического» — свободной личности, чье развитие управляется экологическим самосознанием на протяжении всего жизненного цикла, и для которой технологии становятся инструментом созидания, а не разрушения.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что глубинная экология Арне Несса представляет собой не только значимый философский проект, но и сложный идеологический феномен. Ее основной вклад заключается в радикальном смещении фокуса экологической проблематики с вопросов ресурсной эффективности на уровень фундаментальных ценностей и этических основ существования человечества в биосфере. Разработанные А. Нессом и его последователями принципы биосферного эгалитаризма стали интеллектуальным фундаментом для широкого спектра экологических движений.

Однако биоцентрические положения, оторванные от социально-экономического контекста, были подвергнуты жесткой критике со стороны социальных экологов и впоследствии использованы рядом движений для оправдания антигуманистических взглядов. В рамках глубинной экологии любое воздействие на окружающую среду для удовлетворения человеческих потребностей может трактоваться как антиэкологичное, что снижает возможность любых преобразований ради ее спасения.

В современных условиях цифровой трансформации невозможно одностороннее следование какой-либо одной экологической концепции. Глубинная экология предлагает мировоззренческую основу, которая позволяет направлять мощь цифровых технологий не на эксплуатацию планеты, а на восстановление ее баланса. Она напоминает о физической укорененности цифровой инфраструктуры (дата-цен-

тры, серверы, производство гаджетов) в природных системах и ее зависимости от ресурсов. Принципы глубинной экологии становятся основой ценностного базиса для разработки и использования технологий, ставя во главу угла не эффективность и рост, а благополучие всей биосферы.

Социальная экология, в свою очередь, создает возможности для практического решения проблем, порожаемых и усиливающимися в цифровую эпоху. С позиций социальной экологии в качестве причин экологического ущерба от цифровизации видятся не «технологии» как таковые, а олигопольные корпоративные структуры, непрозрачные цепочки поставок, эксплуатацию труда и неравномерное распределение экологических издержек. В качестве политических решений социальная экология предлагает механизмы для демократического контроля над технологическим развитием, децентрализации цифровых систем и обеспечения того, чтобы технологии служили интересам местных сообществ, а не глобального капитала.

Таким образом, необходимый синтез проявляется в создании целостной рамки, где экокентрическая этика глубинной экологии задает стратегическую цель — развитие в пределах планетарных границ и ради благополучия всего живого. А социально-политический анализ социальной экологии предлагает тактику и механизмы — трансформации экономических моделей, систем управления и права для достижения этой цели в условиях цифрового общества.

На практике этот синтез означает, что, например, разработка систем искусственного интеллекта для оптимизации энергосетей (потенциально позитивный вклад) должна оцениваться не только с точки зрения эффективности (подход «поверхностной» экологии), но и с позиций ее воздействия на биоразнообразие при производстве и утилизации (мировоззрение глубинной экологии). Кроме того, через призму социальной справедливости можно оценить кому принадлежат данные, как распределяются выгоды, не приведет ли это к усилению контроля над людьми (критика социальной экологии). Только такой интегрированный подход позволяет преодолеть некоторую ограниченность обеих философий и направить колоссальный потенциал цифровой эпохи не на усугубление кризиса, а на построение подлинно устойчивого и справедливого общества.

Сегодня становится очевидным, что продолжение прежней экономической политики без кардинального пересмотра ее основ неминуемо ведет к катастрофе. Решение современных экологических проблем невозможно без глубинной трансформации сознания, экономических систем и идеологических установок общества. Необходимо обратиться к глубинным экологическим идеям, способным трансформи-

ровать общественное сознание и сформировать новую парадигму, основанную на поиске баланса между человеком и природой. Именно эти идеи могут стать основой для эффективной экологической политики будущего.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамцева, Е. Г. Проблема идеала в социально-экологической концепции М. Букчина / Е. Г. Абрамцева, Э. В. Баркова // Наука в современном мире: взгляд молодых ученых : Материалы IX Международной научно-практической конференции и Материалы круглого стола, Грозный, 19–20 мая 2023 года. — Грозный ; Махачкала : АЛЕФ, 2023. — С. 24–30. — EDN INUPGQ.
2. Акчури, Б. Г. Социальная экология в свете социальной философии / Б. Г. Акчури // Философия в современном мире : сборник научных докладов международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию семинара «Проблема обоснования знания» и 70-летию юбилею профессора Кудряшева Александра Федоровича, Уфа, 25 января 2017 года. Том Часть 3. — Уфа: Башкирский государственный университет, 2017. — С. 17–21. — EDN YUVKRG.
3. Андреева, В. И. Гуманистические ценности в формировании концепции устойчивого развития / В. И. Андреева // Журнал политических исследований. — 2025. — Т. 9, № 1. — С. 116–127. — DOI 10.12737/2587-6295-2025-9-1-116-127. — EDN WWLAZO.
4. Ахметова, Д. З. «Человек экологический» в эпоху цифровизации / Д. З. Ахметова // Высшее образование в России. — 2020. — Т. 29, № 5. — С. 117–126. — DOI 10.31992/0869-3617-2020-29-5-117-126. — EDN EDMMKX.
5. Верхотуров, И. А. Развитие идей экофилософии в трудах Арне Несса / И. А. Верхотуров, И. С. Луциков // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. — 2025. — Т. 15, № 1(49). — С. 109–116. — EDN KHEMLQ.
6. Давыдов, Д. А. Экологическая критика капитализма: главный козырь левых или «яблоко раздора»? / Д. А. Давыдов // Общественные науки и современность. — 2024. — № 1. — С. 19–31. — DOI 10.31857/S0869049924010021. — EDN RVJAXX.
7. Дробот, Е. В. К вопросу о критике зеленого капитализма / Е. В. Дробот, И. Н. Макаров, Н. П. Коновалова // Креативная экономика. — 2025. — Т. 19, № 8. — С. 1929–1944. — DOI 10.18334/ce.19.8.123526. — EDN DWJVI.
8. Захарова, О. В. Зелёные ценности: теоретические подходы к анализу / О. В. Захарова, Л. Г. Суворова, Т. И. Паюсова // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. — 2023. — № 2(30). — С. 63–77. — EDN HICFTO.
9. Каратуева, Е. Н. Эволюция экологических политических движений в ЕС: аспекты радикализации идеологии энвайронментализма / Е. Н. Каратуева // Социально-гуманитарные знания. — 2025. — № 3. — С. 236–241. — EDN HDCWFY.
10. Каргаполова, Е. В. Патриотическое воспитание в эпоху перемен: восприятие и отношение студентов московских вузов / Е. В. Каргаполова, А. П. Кошкин, Л. В. Константинова // Высшее образование в России. — 2025. — Т. 34, № 5. — С. 49–66. — DOI 10.31992/0869-3617-2025-34-5-49-66. — EDN ZXZHUW.
11. Мясников, А. И. Концепция устойчивого развития в теории левого альтерглобализма: теоретические источники и ограничения / А. И. Мясников, С. А. Кулеш // Общество: политика, экономика, право. — 2024. — № 5(130). — С. 20–27. — DOI 10.24158/rep.2024.5.2. — EDN VXAQVW.
12. Рочняк, Е. В. Экологизм как направление современной гуманитарной мысли / Е. В. Рочняк // Векторы благополучия: экономика и социум. — 2023. — Т. 50, № 3. — С. 11–18. — DOI 10.18799/26584956/2023/3/1578. — EDN IZGCOU.
13. Скипин, Н. С. Инвайронментализм как пости-деология: концептуальная рамка постмодерна / Н. С. Скипин // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2024. — Т. 17, № 1. — С. 196–208. — DOI 10.31249/kgf/2024.01.10. — EDN BNUJZU.
14. Техти, В. Л. Особенности организации патриотического воспитания обучающихся / В. Л. Техти, З. К. Малиева // ЦИТИСЭ. — 2024. — № 3(41). — С. 269–276. — EDN DCUGPC.
15. Фоменко, М. В. 2.5 Арне Несс: жизнь и творческий путь основоположника глубинной экологии / М. В. Фоменко // Экофилософия — развитию культуры мира. — Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2023. — С. 179–188. — EDN FIDUJF.
16. Фоменко, М. В. История жизни и вклад в науку основателя экософии Арне Несса / М. В. Фоменко, М. В. Угрюмова, А. В. Хижная // Современная научная мысль. — 2023. — № 3. — С. 195–201. — DOI 10.24412/2308-264X-2023-3-195-201. — EDN WDCHPO.
17. Шумаков, А. А. Экотопия Мюррея Букчина: утопия или реальная альтернатива? / А. А. Шумаков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2024. — Т. 24, № 1. — С. 111–120. — DOI 10.37482/2687-1505-V326. — EDN DEUQCL.
18. Abakare Ch. A Critique of Deep Ecology / Ch. Abakare // Indonesian Journal of Social and Educational Studies. — 2021. — Vol. 2, No 1. — P. 98–116. — DOI 10.26858/ijses.v2i1.22921.
19. Fitzpatrick, H. A review of worldviews beyond sustainability: Potential avenues for human-nature connectedness / H. Fitzpatrick // Visions for Sustainability. — 2023. — No 19. — Pp. 9–57. — DOI 10.13135/2384-8677/7309.
20. Giugni, M. Environmental Movements in Advanced Industrial Democracies: Heterogeneity, Transformation, and Institutionalization / M. Giugni, M. T. Grasso // Annual Review of Environment and Resources. — 2015. — Vol. 40. — DOI 10.1146/annurev-environ-102014-021327.
21. Golovanov, V. I. Social ecology as a factor in the development of a sovereign Social economy / V. I. Golovanov // Strategic project management of ecological, economic and social development of regions : Proceedings of international scientific-practical conference, Москва, 27 марта 2025 года. — Москва: LLC “Sam Polygraphist”, 2025. — P. 23–38. — EDN QFDHCY.
22. Karatueva, E. Right-wing and left-wing environmentalism: evolution and development trends / E. Karatueva // Relacoes Internacionais no Mundo Atual. — 2024. — Vol. 3. No. 45. — P. 364–380. — EDN PGCRMJ.
23. Santarius, T. Digitalization and Sustainability: A Call for a Digital Green Deal / T. Santarius, L. Dencik, T. Diez [et al.] // Environmental Science & Policy. — 2023. — Vol. 147. — P. 11–14. — DOI 10.1016/j.envsci.2023.04.020. — EDN YDAVCW.
24. Ye, F. Exploring the fusion of greening and digitalization for sustainability / F. Ye, J. Zheng, Y. Li [et al.] // Journal of Cleaner Production. — 2024. — Vol. 442. No 3. — P. 141085. — DOI 10.1016/j.jclepro.2024.141085. — EDN YYTLTW.

REFERENCES

1. Abramtseva, E. G., Barkova, E. V. (2023) The Problem of the Ideal in M. Bukchin's Socio-ecological Concept. *Science in the Modern World: the View of Young Scientists : Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference and Materials of the round table*. Grozny-Makhachkala, Publ. ALEF Publishing House, pp. 24–30. <https://elibrary.ru/ihupgq>.
2. Akchurin, B. G. (2017) Social ecology in the light of social philosophy. Philosophy in the modern world. *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 25th anniversary of the seminar "Problem of knowledge justification" and the 70th anniversary of Professor Alexander F. Kudryashev*. Ufa, Bashkir State University, pp. 17–21. <https://elibrary.ru/yjvkrg>.
3. Andreeva, V. I. (2025) Humanistic values in shaping the Concept of Sustainable Development. *Journal of Political Research*, vol. 9, no. 1, pp. 116–127. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2025-9-1-116-127>. <https://elibrary.ru/wwlazo>.
4. Akhmetova, D. Z. (2020) The "Ecological Person" in the Digital Era. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, vol. 29, no. 5, pp. 117–126. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-5-117-126>. <https://elibrary.ru/edmmkx>.
5. Verkhoturov, I. S., Lushchikov, I. S. (2025) Development Ecosophy Ideas in the Works of Arne Naess. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics. Introduction. The Road to Science*, vol. 15, no. 1(49), pp. 109–116. <https://elibrary.ru/khemlq>.
6. Davydov, D. A. (2024) Environmental Criticism of Capitalism: The Main Trump Card of the Left or an Apple of Discord? *Social Sciences and Contemporary World*, no. 1, pp. 19–31. <https://doi.org/10.31857/S0869049924010021>. <https://elibrary.ru/rvjaax>.
7. Drobot, E. V., Makarov, I. N., Konovalova, N. P. (2025) Critiques of green capitalism. *Creative Economy*, vol. 19, no. 8, pp. 1929–1944. <https://doi.org/10.18334/ce.19.8.123526>. <https://elibrary.ru/dwajvi>.
8. Zakharova, O. V., Suvorova, L. G., Payusova, T. I. (2023) Theoretical approaches to the study of green values. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy*, no. 2(30), pp. 63–77. <https://elibrary.ru/hicfto>.
9. Karatueva, E. N. (2025) Evolution of Environmental Political Movements in the EU: Aspects of Radicalization of the Ideology of Environmentalism. *Social and Humanitarian knowledge*, no. 3, pp. 236–241. <https://elibrary.ru/hdcwfy>.
10. Kargapolova, E. V., Koshkin, A. P., Konstantinova, L. V. (2025) Patriotic Education in the Era of Change: Perception and Attitude of Students of Moscow Universities. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, vol. 34, no. 5, pp. 49–66. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-5-49-66>. <https://elibrary.ru/zxzhuw>.
11. Myasnikov, A. I., Kulesh, S. A. (2024) The Concept of Sustainable Development in the Theory of Left-Wing Alterglobalism: Theoretical Sources and Limitations. *Society: Politics, Economics, Law*, no. 5(130), pp. 20–27. <https://doi.org/10.24158/pep.2024.5.2>. <https://elibrary.ru/vxaqv>.
12. Rochnyak, E. V. (2023) Ecologism as a direction of modern humanitarian thought. *Journal of Wellbeing Technologies*, vol. 50, no. 3, pp. 11–18. <https://doi.org/10.18799/26584956/2023/3/1578>. <https://elibrary.ru/izgcou>.
13. Skipin N. S. (2024) Environmentalism as a Postideology: A Conceptual Framework of Postmodernity. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 1, pp. 196–208. <https://doi.org/10.31249/kgt/2024.01.10>. <https://elibrary.ru/bhujzu>.
14. Tekhti, V. L., Malieva, Z. K. (2024) Features of Organization Patriotic Education of Students. *CITISE*, no. 3(41), pp. 269–276. <https://elibrary.ru/dcugpc>.
15. Fomenko, M. V. (2023) 2.5 Arne Ness: Life and Work of the Founder of Deep Ecology. Ecophilosophy — The Development of a Culture of Peac. Moscow, Publ. Rusayns, pp. 179–188. <https://elibrary.ru/fidufj>.
16. Fomenko, M. V., Ugryumova, M. V., Khizhnaya, A. V. (2023) Life History and Contribution to Science of the Founder of Ecosophy Arne Ness. *Modern scientific thought*, no. 3, pp. 195–201. <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2023-3-195-201>. <https://elibrary.ru/wdchpo>.
17. Shumakov, A. (2024) Murray Bookchin's Ecotopia: A Utopia or a Real Alternative? *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University*, vol. 24, no. 1, pp. 111–120. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V326>. <https://elibrary.ru/deuqcl>.
18. Abakare, Ch. (2021) A Critique of Deep Ecology. *Indonesian Journal of Social and Educational Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 98–116. <https://doi.org/10.26858/ijses.v2i1.22921>. <https://elibrary.ru/zmclyi>.
19. Fitzpatrick, H. (2023) A Review of Worldviews Beyond Sustainability: Potential Avenues for Human-nature Connectedness. *Visions for Sustainability*, no. 19, pp. 9–57. <https://doi.org/10.13135/2384-8677/7309>.
20. Giugni, M., Grasso, M. T. (2015) Environmental Movements in Advanced Industrial Democracies: Heterogeneity, Transformation, and Institutionalization. *Annual Review of Environment and Resources*, vol. 40. <https://doi.org/10.1146/annurev-environ-102014-021327>.
21. Golovanov, V. I. (2025) Social ecology as a factor in the development of a sovereign Social economy. *Strategic project management of ecological, economic and social development of regions : Proceedings of international scientific-practical conference*. Moscow, Publ. Sam Polygraphist, pp. 23–38. <https://elibrary.ru/qfdhcy>.

22. Karatueva, E. (2024) Right-wing and left-wing environmentalism: evolution and development trends. *Relacoes Internacionais no Mundo Atual*, vol. 3, no. 45, pp. 364–380. <https://elibrary.ru/pgcrmj>.

23. Santarius, T., Dencik, L., Diez, T. et al. (2023) Digitalization and Sustainability: A Call for a Digital Green Deal. *Environmental Science & Policy*, 147, pp. 11–14. <https://doi.org/10.1016/j>.

<https://doi.org/10.1016/j>.

24. Ye, F., Zheng, J., Li, Y., Li, L., Linghu, D. (2024) Exploring the fusion of greening and digitalization for sustainability. *Journal of Cleaner Production*, vol. 442, p. 141085. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2024.141085>. <https://elibrary.ru/yytltw>.

For citing: Karatueva, E. N. (2026) Arne Ness's deep ecology: essence and modern dimension. *Sotsium i vlast/Society and Power*, 23 (1), pp. 88–101. <https://elibrary.ru/iwtnn>.

SCIENTIFIC ARTICLE

EDN IIWTNN

HAC (Higher Attestation Commission) 5.5.2

UDC 32.019

ARNE NESS'S DEEP ECOLOGY: ESSENCE AND MODERN DIMENSION

Elena N. Karatueva,

Saint Petersburg State Agrarian University,
Associate Professor of the Department
of State and Municipal Administration,
Cand. Sc. (Political Sciences), Associate Professor.
St. Petersburg, Russia.
Financial University under the Government of the
Russian Federation,
Doctoral student of the Department of Political
Science.

Moscow, Russia.

SPIN 2252-7868

ORCID 0000-0002-2169-3622

Scopus 57608102200

Researcher MGU-4422-2025

E-mail: e_karatueva@mail.ru

ABSTRACT

Introduction. The relevance of the research is due to the deepening global environmental crisis, which requires a revision of the fundamental foundations of the interaction between humanity and nature. In an environment where technological solutions and “superficial” environmental protection measures demonstrate their insufficiency, there is an increasing interest in radical philosophical systems that offer a holistic rethinking of man's place in the biosphere. One of these systems is deep ecology, developed by the Norwegian philosopher Arne Ness, whose ideas had a significant impact on the formation of modern ecological consciousness and gave impetus to the development of diverse, including radical, environmental movements.

The **purpose** of the article is to define the essence and possibilities of Arne Ness's philosophy of deep ecology in modern society.

The **scientific novelty of the research** lies in the systematic consideration of the transformation of deep ecology, in comparison with social ecology, as well as in the analysis of the relevance of its

principles in the context of the challenges of a modern digital society, where technological development requires a new understanding of ecocentric ethics.

Materials and methods. The research methods used are a historical and philosophical analysis of the texts of Arne Ness and his followers, a comparative analysis of the concepts of deep and social ecology, as well as a discourse analysis of public statements by ecoradicals and program documents of radical environmental movements.

The **results** of the study demonstrate that deep ecology, with its principles of biospheric egalitarianism and the intrinsic value of all living things, has offered a powerful alternative to the anthropocentric paradigm. However, it is precisely these radical biocentric positions, divorced from the socio-economic context that have been harshly criticized by social environmentalists and subsequently used by a number of movements to justify ecofascist and Malthusian views.

Discussion. In modern conditions of digital transformation, it is impossible to unilaterally follow any one environmental concept. Deep ecology forms the necessary value and worldview foundation, which makes it possible to direct the potential of digital technologies to restore ecological balance, rather than to further exploit natural systems. Social ecology, in turn, creates opportunities for analysis and practical resolution of socio-ecological contradictions, exacerbated in the digital reality. The main conclusion of the work is the proof of the need to synthesize the principles of deep and social ecology to meet the challenges of the digital age.

KEYWORDS

deep ecology,
social ecology,
ecological consciousness,
biocentrism,
anthropocentrism,
ecological ethics,
ecological radicalism,
digital age.

CONFLICT OF INTEREST

The author declares that there is no conflict of interest.

USE OF AI TOOLS

The author declares that no generative artificial intelligence tools were used while writing the article.

Article received: 30.10.2025

Reviews received: 22.01.2026

Accepted for publication: 10.02.2026

Copyright: © Karatueva E. N. (2026).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPa.

Open access under CC BY-N